

УДК 86.073.2

DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-24-28

В.Я. ШУМКИН

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ РАЗНЫХ СООБЩЕСТВ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ

*Институт истории
материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург*

shumkinv@yandex.ru

V.YA. SHUMKIN

ECONOMIC AND CULTURAL DOMINANTS OF DIFFERENT COMMUNITIES IN THE EUROPEAN ARCTIC

*Institute of History of Material Culture,
RAS, St.Petersburg*

Аннотация

В статье рассматриваются историко-культурные процессы в Северной Фенноскандии от момента первоначального заселения региона до начала XXI в. На основе археологических источников описывается процесс заселения региона, начиная с эпохи мезолита, прослеживается преемственность в развитии материальной культуры в каменном веке и в эпоху раннего металла.

Ключевые слова:

археология, антропология, происхождение, материальная и духовная культура, взаимоконтакты, лапландцы, саами, коми-ижемцы, ханты, манси, Зауралье

Abstract

Multi-factor, often mysterious, processes of the origin and formation of the indigenous Northern peoples are complicated by the problems of identification of mutual influences, especially given their remote spatial and deep temporal characteristics. Contacts between ethnically and culturally different groups of the population are of various types, multidirectional, and can combine both positive and negative aspects. Archaeology, armed with modern methods of Natural Sciences, provides source data for many other Humanities about man. Historical and cultural processes in Northern Fennoscandia from the initial settlement of the region to the beginning of the XXI century are considered. On the basis of archaeological sources the process of settling of the region, starting with the Mesolithic, is described. Continuity in the development of material culture in the Stone and Early Metal Ages is traced. At the same time, the materials of the Kola Oleneostrovsky burial ground fix the appearance of a small alien population group in the Early Metal Age, which shows proximity to the culture of the Eastern regions of the Arctic zone of Russia (Ymyyakhtakh culture). Changes in the culture of the region's settlers occur under the influence of climate factors about 2000 years ago, when the cold snap forced the surviving small groups to return to a wandering lifestyle in the mainland tundra. No later than the middle of the Ist Millennium A.D., the local population switches to small-scale reindeer herding. At the end of the XIX century, there occurs a documented Eastern infiltration, when the lack of reindeer pastures and the mass death of animals due to epizootics, the depletion of natural biological resources forced the well-off Komi-Izhma families (Rochev, Terentyev, Filippov, Kanev, Chuprov, along with a deer herd of 9,000 heads, accompanied by shepherds (practically, farmhands) of the Nenets Khatanzei family) to move to the Kola Peninsula in 1883. From this moment a new stage in the economic and ethno-cultural development of the population of the Kola Peninsula begins.

Keywords:

archaeology, anthropology, origins, material and spiritual culture, contacts, the Lapps, the Sami, the Izhma-Komi, the Khanty, the Mansi, Trans-Urals

Несмотря на близость Кольской земли, по российским мерками её современных аборигенных обитателей—саами от обеих столиц (Санкт-Петербург—1000 км, Москва—1500 км) и более чем 200-летнюю длительность их изучения, эта удивительная, столь непохожая на своих соседей по культуре, языку, облику, обычаям, образу жизни народность остаётся до сих пор во многом загадочной. Видимо, это своеобразие нужно искать в глубинных истоках формирования, развития, контактах и взаимовлияниях с территориально близкими, но по уровню хозяйства, совершенно отличными соседями и удалёнными пространственно, однако сходными по системе жизнеобеспечения и мировоззрению народностями.

Полностью поддерживаю высказывание известного исследователя Арктических сообществ А.В. Головнёва: "на Севере рождались и развивались культуры больших пространств, а не малых народов" [1].

Уже почти 100 лет, со времени работ А. Нуммедала [2], исследователи не сомневаются в первоначальном проникновении не позднее 10 тыс. л. н. человека (археологическая культура комса) в арктическую Скандинавию с территории северо-германской низменности вдоль норвежского побережья [3–10]. Открытие в 2002 г. в 60 км от побережья Баренцева моря и раскопки [11] мезолитической стоянки Суяла с пластинчатой индустрией позволили финским археологам выдвинуть предположение о второй, более поздней волне заселения этой арктической территории, теперь уже через Финляндию и Карелию. Эта гипотеза требует серьёзного анализа и подтверждения, а двухкомпонентность материальной культуры комса была убедительно установлена археологом П. Вудманом ещё в конце прошлого века [10].

Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыболовов, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры. Но, тем не менее, сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом "прошлифовки" линий, петроглифы этого времени [12, 8] и, несколько более поздние, писаницы. Мезолитические памятники Лапландии большинство специалистов традиционно связывают с археологической культурой комса.

Определённое, более ускоренное развитие начинается с благоприятными изменениями климатических условий (атлантический оптимум), позволившее к началу неолита (около 6,5 тыс. л. н.) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий, налаживаются контакты с более южными соседями, от которых заимствуются навыки керамического производства. Всё более существенными становятся признаки начала активного морского зверобойного промысла. Эти изменения оказывали, наряду с природными и социаль-

ными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местные популяции.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2,5 тыс. л. н.). Появляются, особенно в приморских районах, сотни долговременных поселений с многочисленными углублёнными жилищами. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном, тюлени), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определённо свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво "процветать" и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углублённых жилищ. Умение изготавливать деревянные лодки документально подтверждается присутствием лодок-кережек (как гробовища – "саркофаги") в погребальной практике Кольского Оленеостровского могильника [13, 14] и отражено в многочисленных сюжетах петроглифов [12]. Всё это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно, поворотные гарпуны) обеспечивало постоянный достаток, даже изобилие продуктов жизнеобеспечения охотникам на морского зверя.

Но так ли всё стабильно, последовательно, объяснимо в древней истории Северной Фенноскандии? Есть ряд серьёзных, неустранимых пока, противоречий. Так, в каменной индустрии наблюдается беспрерывная преемственность, начиная с первоначального заселения этой территории. Если рассматривать проблему с точки зрения исторических реконструкций по археологическим данным, то не вызывает сомнений, что с мезолита (культура комса) в неолите и эпоху раннего металла (лапландская археологическая культура) на этой территории идёт непрерывное развитие местной адаптационной модели древними коллективами. Таким образом, возможность крупных миграций в Северную Фенноскандию после первоначального заселения выглядит маловероятной. Правда, некоторые эпохальные инновации (керамика, металл) приходят с южных территорий, но это можно объяснить заимствованиями.

Однако значительное увеличение в результате новых полевых работ Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН [15] материалов уникального Кольского Оленеостровского могильника (КОМ) и изучение всей краниологической серии с применением новых методов анализа свидетельствуют о крайне специфическом антропологическом облике "оленеостровцев". Выяснилось, что антропологические и генетические особенности погребённых (ДНК) в Кольском Оленеостровском могиль-

нике (3,5 тыс. л. н.) не находят прямых аналогий в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп и, поэтому древние "оленеостровцы" не могут быть их предками, проявляя при этом, тенденцию к сближению с представителями, так называемой, «уральской расы», проживающими сейчас (например, ханты и манси) за Уральским хребтом [15].

Можно предположить, что «оленеостровцы» были сравнительно небольшой пришлой группой. Однако этому противоречит отсутствие типологических различий между погребальным инвентарём КОМ и комплексами артефактов со стоянок и поселений Арктического побережья эпохи раннего металла. Возможно, это остатки одной из древнейших в Евразии антропологических формаций, продвинувшихся постепенно и на север и на северо-восток.

В своих работах автор неоднократно приводил и акцентировал археологические свидетельства возможного проникновения около 3–4 тыс. л. н. крайне малочисленных групп пришельцев, скорее всего, восточного происхождения, которые не могли серьёзно повлиять на достаточно развитые сообщества "лапландцев", тем более изменить их быт и традиции. Они должны были быстро ассимилироваться, оставив единичные следы в культуре, возможно, в генофонде. Наши предположения основываются на единовременности появления и неутилитарном проявлении таких модификаций, как: 1) присутствие на некоторых памятниках (от Большеземельской тундры до Северной Финляндии, но, особенно важно, что, в том числе, и КОМ) фрагментов т.н. "вафельной" керамики, которая близка сосудам ымыяхтахской культуры [16], которая выглядит инородной и не имеет местного типологического развития; 2) новые сакральные представления, в частности, единичные инновации в наскальном творчестве; 3) отдельные элементы "шаманской" атрибутики у местных колдунов – нойдов. Всё это следствие, скорее, не заимствований или конвергенции, а результаты непосредственного присутствия "носителей новшеств" на древней земле Северной Фенноскандии [17].

Но, оказывается, все могло быть более "серьёзно". Тогда возникает закономерный вопрос о противоречиях между фиксируемой преемственностью развития материальной и духовной культуры от первопоселенцев, по крайней мере, на протяжении 8 тыс. лет, и "уральским" генофондом "лапландцев-оленеостровцев", обладающих уже всеми атрибутами специализированной практики охотников на морского зверя и традиционными мировоззренческими представлениями местного населения. Не исключено, что эта "головоломка" имеет объяснение в поздние / послеледниковых событиях, когда под действием глобально меняющихся природных и климатических условий изначально западноевропейское, финальнопалеолитическое / раннемезолитическое население стало продвигаться вдоль кромки тающего ледника не только по морскому побережью на Север, в Фенноскандию, но и материковым, сугубо "сухопутным" путём, на северо-восток Европы. Конечно, это предположение требует детальных научных обоснований.

Вероятно, каждая древняя культура имеет свой "пик развития". Для древнего населения Северной Фенноскандии он пришёлся на период эпохи раннего металла, время расцвета духовной и хозяйственной жизни местных сообществ. По данным об индейцах Северной и Южной Америки, население, обитавшее на побережье, было обеспечено продуктами питания в 5–10 раз лучше материковых охотников и в два раза земледельцев. Учитывая, что воды Баренцева моря и сейчас чрезвычайно обильны морскими млекопитающими, недостатка пищи береговые популяции не испытывали. По имеющимся этнографическим свидетельствам, у эскимосов суммарная продукция охоты на морского зверя в 1.5–2 раза превышала их потребности. Сходная картина наблюдалась и у приморского населения Северной Фенноскандии.

"Тучные" времена обычно сменяются спадом по тем или иным причинам: резкие климатические изменения, социальные катаклизмы, нарушения природного баланса (экологического равновесия). Все эти события, видимо, сошлись вместе около 2 тыс. л. н. и вынудили уцелевшие малочисленные коллективы вернуться к бродячему образу жизни уже в материковой тундре.

Некоторый ренессанс происходит в начале нашей эры, когда усвоение не позднее середины I тыс. от Р.Х. навыков и развитие особого, мелко-стадного, экологического, "малозатратного" типа оленеводства способствовало длительному процессу этнической консолидации на базе зимних селений-сийтов. Однако местное население Северной Фенноскандии (это явные предки саамов) уже не смогло достичь уровня развития своих ближайших соседей, под чьё влияние, давление и зависимость оно попало. Исторически неизбежно стало включение этих охотничьих групп раннего железного века в сферу торговли с более "прогрессивным" земледельческо-скотоводческим населением ("вождистские" общества), в результате которой они переключились, в основном, на добычу пушнины, как эквивалента получаемых товаров. Последние состояли из разнообразных, в основном, металлических изделий, включая украшения, орудия труда и посуду. Очень вероятен и приток нового населения.

Таким образом, аборигены к рубежу эр утратили основные черты своей материальной культуры, по которым их можно было идентифицировать и связать с предшествующим населением: большинство костяных орудий не сохраняется при кочевом образе жизни, так как культурного слоя практически не образуется, керамическое производство исчезает – сосуды в большинстве, вероятно, были металлическими (результат обмена) и очень ценились, а их обломки шли в переплавку. К тому же, обнаружить небольшие кратковременные стоянки, отличающиеся по своему положению от прежних мест обитания на берегах рек и озёр, чрезвычайно трудно, поскольку пушной промысел требует иных ареалов.

Авторитарные, "цивилизованные" сообщества стали причислять, особенно после принятия ими христианства, аборигенов Лапландии в разряд отсталых народностей. Этнографические данные

показывают, что в средневековье местное население разделилось на разные, по хозяйственно-культурному типу, группы, уже владея навыками оленеводства. Таким образом, рационально, без особого "прессинга" на местные экологические ниши посредством циклических перекочевок (люди "четырёх" сезонов) эксплуатировались различные экосистемы Северной Фенноскандии.

Явная, неоспоримая, документированная восточная инфильтрация происходит в конце XIX в., когда нехватка оленьих пастбищ и массовый падеж животных из-за эпизоотий, оскудение естественных биологических ресурсов вынудили зажиточных коми-ижемцев (Рочев, Терентьевы, Филиппов, Канев, Чупров) вместе с оленьим стадом в 9 тыс. голов, в сопровождении пастухов (практически, батраков) ненцев рода Хатанзей осенью 1883 г. перебраться на Кольский полуостров. Добравшись зимой 1886 г. до старинного саамского погоста Ловозеро, решив, что эти тундры самые лучшие для разведения оленей и напоминают родные просторы, остановились здесь, даже не получив разрешения местных обитателей в их погост. Саами жаловались, что крупные стада пришельцев выбивают ягель и что ижемцы убивают их оленей, или уводят к себе. Но вновь прибывшие не жалели денег на подкуп должностных лиц, добились приговора сельских сходов на свой прием в члены их общества. Недоразумения и столкновения происходили как «от хищничества ижемцев», так и на почве разных форм ведения хозяйства и несходства обычаев. Саамы по-прежнему предпочитали вольный выпас оленей, при котором животные то и дело попадали в ижемские стада. Видя необыкновенный прирост в стадах коми (в 1902 г. их стада насчитывали 18 тыс. оленей, в 1909 г. уже 30 тыс.), саами постепенно стали переходить на их метод пастыбы, стали охранять свои стада, устраивать загоны, переходить к торгово-предпринимательскому скотоводству, оседлому образу жизни. Росла и численность самих кольских коми-ижемцев (в 1897 г. в Ловозерском приходе их было 117 чел. и 25 ненцев, а к 2015 г. уже 439, против 251 саами). Основывались ими и новые небольшие посёлки, в основном, по берегам р.Поной (Ивановка, Оксико, Макаровка, Красная Щелья, Каневка).

Коми были грамотнее саами и ненцев. Так, в 1927 г. их грамотность составляла 45%, тогда как у ненцев не превышала 29%, а у саами – всего 3%. В годы НЭПа предприимчивые коми взяли в свои руки местную кооперацию, а в 1930-х гг., когда стали организовываться колхозы, первыми вступали в них.

Первый смешанный брак между саами (жених 23 года) и коми (невеста 18 лет) в Ловозеро зарегистрирован в 1929 г. Ныне характерен высокий уровень межнациональной брачности (около половины всех браков с участием коми), при этом не опускается уровень этнического самосознания. По переписи 1979 г. в Мурманской области проживало 2007 коми (на 28% больше, чем саами). Межнациональные конфликты почти отсутствуют.

Удивительно, что саами, находясь столетия под давлением своих западных и южных соседей (финнов, шведов, норвежцев, карел, русских), смог-

ли сохранить свою культуру, образ жизни, обычаи, а всего за несколько десятилетий контактов с коми-ижемцами утратили многие черты самобытности, правда, сохранив, однако, саамское мировоззрение. Видимо, слишком разным был их культурный уровень в первом случае и сходные устремления, система хозяйства – во втором. И всё-таки нельзя абсолютно негативно рассматривать результаты этих контактов, так как многое теряя, северные народы приобретали устойчивость в этом суровом мире европейской цивилизации. Главное, что они, несмотря на все усвояемые манящие блага технического прогресса, сохраняли, уже не раз доказанную стойкость своего мировоззрения и любовь к родной земле и природе, которые, как показывает история, покидают человеческие сообщества в самый последний момент и ведут к их саморазрушению.

Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания: № 0184–2019–0001 «Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене».

Литература

1. Головинёв А.В. Российский Север: народы и границы // Управленческое консультирование. 2006. Вып. № 3. С. 183–190.
2. Nummedal A. Stone age finds in Ainmark. Oslo, 1929.
3. Земляков Б.Ф. Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология. 1940. Т. 5. С. 107–143.
4. Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. 1986. № 2. С. 15–33.
5. Шумкин В.Я. Западные и восточные традиции культуры аборигенного населения Северной Фенноскандии // Uralo-Indogermanika. Ч. 2. М., 1990. С. 10–15.
6. Шумкин В.Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 34–59.
7. Anundsen K. The Physical Conditions for Earliest Settlement during the Last Deglaciation in Norway. The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas // Acta Archaeologica. Lundensia Series in 8. 1996. № 24. P. 207–217.
8. Helskog K. Communicating with the World of beings. Oxford&Philadelphia, 2014. 249 p.
9. Olsen B. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo, 1994. 162 p.
10. Woodman P.C. The Komsa Culture. A Re-examination of its Position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica, 1993. Vol. 63. P. 44–60.
11. Rankama T., Kankarppa J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F., Tallavaara M. BAR International Series, 2599. Oxford, 2014. P. 147–159.

12. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 425 с.
13. Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Л., 1930.
14. Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник эпохи раннего металла в Мурманской области // Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 2015. С. 177–188.
15. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe / C. Der Sarkissian, O. Balanovsky, G. Brandt, V. Khartanovich, A. Buzhilova, S. Koshel, V. Zaporozhchenko, G. Gronenborn, V. Moiseyev, E. Kolpakov, V. Shumkin, K.W. Alt, E. Balanovska, A. Cooper, W. Haak // PLoS Genet. 2013. 9(2).
16. Федосеева С.А. Ымьяхтагская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.
17. Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. 1990. № 2. P. 3–20.
7. Anundsen K. The Physical Conditions for Earliest Settlement during the Last Deglaciation in Norway. The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas // Acta Archaeologica. Lundensia Series in 8. 1996. № 24. P. 207–217.
8. Helskog K. Communicating with the World of beings. Oxford&Philadelphia, 2014. 249 p.
9. Olsen B. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo, 1994. 162 p.
10. Woodman P.C. The Komsa Culture. A Re-examination of its Position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica, 1993. Vol. 63. P. 44–60.
11. Rankama T., Kankapaa J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F., Tallavaara M. BAR International Series, 2599. Oxford, 2014. P. 147–159.
12. Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya. Petroglify Kanozera [Petroglyphs of Kanozero]. St.Petersburg, 2012. 425 p.
13. Shmidt A.V. Drevnii mogilnik na Kolskom zalive [The ancient burial ground on the Kola Bay] // Kola collection. Leningrad, 1930.
14. Shumkin V.Ya. Kol'skij Oleneostrovskij mogil'nik epohi rannego metalla v Murmanskoy oblasti // Problemy izuchenija pervobytnosti i rannego srednevekov'ja lesnoj zony Vostochnoj Evropy [Kola Oleneostrovsky burial ground of the Early Metal Age in the Murmansk region // Problems of studying the primitiveness and Early Middle Ages of the forest zone of Eastern Europe]. Ivanovo, 2015. P. 177–188.

References

1. Golovnev A.V. Rossiiskii Sever: narody i granicy [Russian North: peoples and borders] // Administrative consultation. 2006. Issue 3. P. 183–190.
2. Nummedal A. Stone Age finds in Ainmark. Oslo, 1929.
3. Zemlyakov B.F. Arkticheskij paleolit na severe SSSR [Arctic Paleolithic in the North of the USSR] // Soviet Archaeology. 1940. Vol. 5. P. 107–143.
4. Shumkin V.Ya. Mezolit Kol'skogo poluostrova [Mesolithic of the Kola Peninsula] // Soviet Archaeology. 1986. № 2. P. 15–33.
5. Shumkin V.Ya. Zapadnye i vostochnye tradicii kul'tury aborigennogo naselenija Severnoj Fennoskandii [Western and eastern cultural traditions of the indigenous population of Northern Fennoscandia] // Uralo-Indogermanika. Part 2. Moscow, 1990. P. 10–15.
6. Shumkin V.Ya. Rannij kamennyj vek zapadnoj chasti Evropejskoj Arktiki: (mezolit Severnoj Skandinavii) // Drevnosti Severo-Zapada Rossii [Early Stone Age of the Western part of the European Arctic: (Mesolithic of Northern Scandinavia) // Antiquities of the North-West of Russia]. St.Petersburg, 1993. P. 34–59.
15. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe / C. Der Sarkissian, O. Balanovsky, G. Brandt, V. Khartanovich, A. Buzhilova, S. Koshel, V. Zaporozhchenko, G. Gronenborn, V. Moiseyev, E. Kolpakov, V. Shumkin, K.W. Alt, E. Balanovska, A. Cooper, W. Haak // PLoS Genet. 2013. 9(2).
16. Fedoseeva S.A. Ymyyakhthakskaya kul'tura Severo-Vostochnoj Azii [Ymyyakhthak culture of the North-Eastern Asia]. Novosibirsk, 1980.
17. Shumkin V.Ya. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. 1990. № 2. P. 3–20.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020